

"Я даю вам двадцать лет.

В том случае, когда отринет надёжную любовь с достатком и почётом!
Избравшие должны быть безупречны - если смогут.
Пусть выбирают".

"Тогда позволим выбирать и ей?"

"Да, и она пусть выбирает.

Пусть этим выбором решит свою проблему".

Ей на плечо легли невидимые руки
в готовности дать ей тяжёлую нагрузку.
Однако же она стояла прочно,
в широких круглых серьгах из золота, гагата и жемчужин,
с широкой круглою подобной брошью.
Гордилась яркими щеками.
Гордились ими и её друзья.

А голос спрашивал: "Позволите ли вы ей выбирать?"

"Да, мы позволим ей, и пусть добьётся счастья".

"Тогда пусть будет с нею радость, и никогда её не упрекайте.
А первой радостью её пусть будет свадьба,
хотя, раз это свадьба,
то знать, что это значит, положено ему и ей.
За этим вслед её вторая радость -
что, пригорюнясь, припрячет огорчения в секрете,
и что друзья, не зная той печали, её не застыдят.
А третья радость в том, что, хоть не знают и не помогут,
но развлекаться будут очень далеко.
Ей можно будет о друзьях не волноваться...
Посадит по ребёнку на колени - в четвёртый раз узнает радость.
Расскажет им один единый раз, но с тем, чтоб никогда не забывали,
какою яркою она была когда-то,
заставив их её вообразить в сиянье зимнего костра.
Но не осмелится такое рассказать
обычно недоверчивым друзьям.
Не соизволит им такое рассказать -
в том пятая испытанная радость: